

– Педиссека, сервай эту фарциму из ферины, чтобы ее не сфамулировали.¹⁵⁴

Служанка с грехом пополам догадалась, что он говорит ей о пироге, ибо она когда-то слышала от него слово «фарцима», но она совсем не понимала, что должно означать дошедшее до ее слуха слово «сфамулировать». Она взяла пирог и, сделав вид, что все поняла, ответила:

– Слушаю, сударь.

Когда гости разошлись, она пошла к своему писцу и спросила, что значит «сфамулировать». Писец, случайно оказавшийся поблизости, поступил с ней, к несчастью, на этот раз не вполне честно.

– Милая моя, – сказал он, – хозяин велел тебе угостить этим пирогом писцов, а что останется – приберечь.

Служанка ему поверила, ибо еще не было случая, чтобы его объяснения имели для нее дурные последствия. Она отнесла этот пирог писцам, а те, разумеется, не пощадили его как за первым столом, и вырезали из него, что получше.

На другой день Томас Ларош, полагая, что его пирог цел, пригласил на него самых важных чинов Ле Манской палаты (называвшейся в то время еще просто судебной залой). Гости пришли и уселись за стол. Когда подали пирог, то все убедились, что он уже побывал в хороших руках. Трудно сказать, кому больше досталось – Педиссеке ли от хозяина за то, что она «сфамулировала» эту «фарциму», хозяину ли от насмешек гостей за то, что он, поручая служанке на хранение лакомый пирог, говорил по-латыни, или, наконец, писцу от служанки за надувательство. Но писцу, по-видимому, досталось больше всех, ибо она не один день и не одну ночь посылала его к нечистому и клялась всеми святыми, что больше он от нее ничего не получит. Но убедившись, что ей без него не обойтись, она волей-неволей должна была пойти с ним на мировую. В воскресенье утром, когда весь народ ушел к обедне, они, оставшись дома вдвоем, закусили остатками от четверга и настроили свои рыли¹⁵⁵ на прежний лад, как добрые друзья.

Однажды Ларош Томас ушел обедать к одному из своих соседей. А в те времена существовал обычай ходить в гости к соседям со своими обедом и ужином, чтобы не вводить хозяев в расходы; хозяин был обязан лишь накрыть стол. Ларош Томас, будучи уже в то время вдовцом, велел служанке зажарить только цыпленка. Когда она принесла его под тарелкой, он весело спросил ее:

– А ну-ка, что ты мне афферируешь?¹⁵⁶

Служанка ему ответила:

– Сударь, я принесла цыпленка.

Этот ответ ему весьма не понравился, ибо он хотел показаться перед хозяином более щедрым. Возвратившись домой, он вспомнил про него и сердито позвал к себе Педиссеку. Та, сообразив по тону, которым он ее позвал, что ей предстоит выговор, побежала скорее за переводчиком, чтобы тот послушал, что будет ей говорить хозяин, ибо он имел обыкновение бранить ее латинскими словами.

Когда она явилась, Ларош Томас начал сыпать:

– А ну-ка, жирная тварь, идиотка, инептуха, инсульса, нугигерула, империтуша!¹⁵⁷ (И всеми прочими словами Доната.¹⁵⁸) Когда я обедал в гостях и спросил тебя, что ты афферируешь, кто тебя просил говорить: я принесла цыпленка? Говори же, говори в другой раз во множественном числе, жирное четвероногое, говори во множественном числе! Цыпленка! Что это за обед для такого человека, как Ларош Томас?

Педиссека, никогда еще не слыхавшая про «множественное число», попросила писца объяс-

¹⁵⁴ Фраза построена на употреблении латинизмов, приспособлении их к обычной речи (сервай – то есть береги, фарцина – пирог, ферины – дичь, сфамулировать – то есть быть съеденным слугами, от фамулус – слуга). Таким образом, смысл этой фразы таков: «Побереги этот пирог из дичи, чтобы его не съели слуги».

¹⁵⁵ *Рыли* – старинный музыкальный инструмент, прообраз шарманки.

¹⁵⁶ То есть «что ты мне приносишь?»

¹⁵⁷ Опять серий латинизмов; то есть: глупая, бестолковая, безмозглая, невежда.

¹⁵⁸ *Донат* – прославленный автор грамматики латинского языка, составленной в IV в. н. э. и служившей основным учебным пособием на протяжении всего Средневековья.